

«Облака», передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Выпуск 18.02.2014.

Правозащитное сообщество в России в последнее время переживает критический период своего развития, связанный с приходом в правозащиту большого количества людей, трудившихся до некоторых пор совершенно в других сферах. Причем иногда именно в тех структурах, которые традиционно являются источниками нарушений прав человека. Оказавшись случайно или неслучайно в стане своих постоянных критиков, бывшие профессиональные военные и работники правоохранительной сферы в основном так и не смогли превратиться в правозащитников. Скорее они представляют собой инородное вкрапление, разъедающие и без того не очень консолидированное правозащитное сообщество.

В течение многих лет это сообщество пытается обрести самоидентификацию, выработать общие этические принципы и стандарты своей деятельности. Проблемами становления правозащитного сообщества занимался еще Валерий Абрамкин, директор Центра содействия реформе уголовного правосудия, политзаключенный 1980-х годов и создатель нашей радиопрограммы Облака. Сложившиеся сообщества он называл «культурными», и приводил в пример медицинское профессиональное сообщество, которое сформировалось в России еще в первой половине XIX века благодаря врачу Федору Петровичу Гаазу, известному своей подвижнической деятельностью в тюрьмах. Впечатляющ перечень больниц, институтов - неотложной помощи, медицинских сестер, больниц для бездомных и т.д, которые были основаны Гаазом. До него, в конце XVIII – первой трети XIX веков никакого культурного медицинского сообщества в России не существовало. Наоборот, известно о традиционных «лекарских погромах» во время холерных и чумных эпидемий. Зато во второй половине XIX века ничего подобного представить себе уже было невозможно.

Формирование профессионального сообщества происходит в результате непрерывного обмена мнениями по всем ключевым вопросам. Примером такого «культурного сообщества» из недавнего периода нашей истории Валерий Абрамкин считал диссидентское и правозащитное движение советского времени. «В основе действий и поступков правозащитников, - писал он, - лежали те идеалы, которые занимали наивысшее место в системе ценностей отечественной культуры: готовность к самопожертвованию во имя общего блага, открытое противостояние неправде и насилию...» А Людмила Алексеева в своей книге «История инакомыслия в СССР» вспоминает: «По самосознанию и по характеру деятельности правозащитное движение является не политическим, а нравственным... Правозащитники принципиально отвергают насилие для осуществления какой бы то ни было цели, осуждают его и никогда к нему не прибегают...»

Процесс формирования культурного диссидентского сообщества шел с середины 60-х годов прошлого века с ориентацией на базовые ценности традиционной культуры. И это сообщество сложилось бы в очень короткий исторический срок, если бы с середины

70-х советские власти не начали свой «проект» по ликвидации не только инакомыслия, но и самих диссидентов, и довольно быстро этот «проект» реализовали.

Тем не менее, описывая жизнеустройство диссидентского сообщества, Людмила Михайловна Алексеева делает весьма оптимистический вывод об эффективности движения инакомыслящих:

«Никто не имеет каких-либо обязанностей, кроме налагаемых собственной совестью, - пишет она. - Но именно из-за добровольности присоединения к этому братскому ордену люди действуют с самозабвенной активностью, какой не вызвать приказами и понуканием. Эта неформальная структура оказалась наиболее пригодной для советских условий... и показала свою эффективность.

Координируется работа на основании дружеских связей, что обеспечивает глубокое взаимное доверие, без которого невозможна работа в обстановке постоянных преследований. Это же помогает заполнить лакуны, возникающие из-за арестов: близкий человек, находившийся рядом с выбывшим, берет на себя его обязанности, поэтому замены происходят оперативно, и сохраняется преемственность опыта. Тесные дружеские связи затрудняют проникновение в этот круг провокаторов...»

Сегодня ряд российских некоммерческих организаций пытаются создать систему внутреннего регулирования, максимально соответствующую этическим принципам, кодексу этики, который они сами для себя сформулировали. Процесс этот непростой, ведь и необходимость, и эффективность таких кодексов неочевидна. У микрофона генеральный директор Центра «Трансперенси Интернешнл - Россия» Елена Панфилова:

Вот сейчас спроси – зачем все принимают эти этические кодексы, эти этические стандарты, на кого они ориентированы? Ориентированы они могут быть на общество, на потребителей тех или иных услуг, в том числе некоммерческого сектора. Они могут быть ориентированы на государство, чтобы убедить государство в своих добрых намерениях. И они могут быть ориентированы на саму организацию. И в этом плане, на данный момент, никакого понимания, зачем вообще существует это словосочетание «этический кодекс» в нашей действительности, что касается некоммерческого сектора, на мой взгляд, общего у нас нет, у каждого есть свое.

Существуют разные понимания того, что такое этический кодекс. Во-первых, он может представлять собой документ, с которым соглашается организация, или группа организаций, или целый сектор, например, правозащитный. С другой стороны, кодекс этики может включать в себя набор принципов и инструментов, которые подходят только для отдельно взятой организации – в этом случае он не может быть коллективным, а является исключительно индивидуальным. Через такой кодекс конкретная организация заявляет обществу, государству и своим членам о том, на каких принципах она строит свою работу. Но есть три базовых принципа, которые должны быть в этическом кодексе как сообщества, так и отдельной организации, - это прозрачность, подотчетность и порядочность.

Полтора года назад законодатели решили, что некоммерческому сектору не хватает прозрачности, и что и общество, и государство должно знать о работе НКО больше, чем оно знает. И тогда появился закон «Об иностранных агентах». Не скрывая и ранее

источники финансирования, многие организации в такой ситуации были вынуждены либо отказаться от этих источников, либо не афишировать их, решив, что в случае такого давления со стороны государства все средства хороши. У микрофона Елена Панфилова:

В сообществе некоммерческих организаций огромное количество некоммерческих организаций. Большинство организаций совершают все те действия, которые принято совершать – полная открытость, полная прозрачность, полная подотчетность... При этом в сообществе есть организации, которые используя аргумент этой тяжелой годины, когда на нас напало государство, используя аргумент, что на войне все средства хороши, открыто говорят, в этой ситуации, когда нас лишают финансирования, в этой ситуации, когда государство за нами гоняется и всячески прессует, мы не будем раскрывать источники этого финансирования у себя на сайте, потому что на войне как на войне, потому что нам надо делать дело, а вы тут со своей прозрачностью...

Такие подходы существуют не в массовом порядке, но пропаганда представляет эти случаи не как исключение, а как правило, и, таким образом, тень падает на все сообщество. Трансперенси-интернешнл относит к таким репутационным рискам для правозащитного сообщества и недавнюю инициативу ряда общественников, только что пришедших из бизнеса и правоохранительных структур и провозгласивших себя правозащитниками нового поколения. С их подачи сейчас в Общественной палате Российской Федерации разрабатывается некий коллективный кодекс этики правозащитников. Отношение к этому неоднозначное. Члены президентского Совета по правам человека уверены, что разработкой правозащитного этического кодекса должны заниматься сами правозащитники, а не власти. Как показывает практика, все документы такого рода, навязанные сверху, в основном остаются на бумаге. При отсутствии механизма саморегулирования ни один этический кодекс не работает.

У микрофона руководитель Центра «Грани» Светлана Маковецкая:

Существует некая проблема, проблема по поводу этических кодексов, саморегулирования и т.д. ...Потому что саморегулирование, в том числе этический кодекс, обязательно требует установление правил игры, обязательное их исполнение, и должна быть независимая проверка исполнения – суд. У меня возникает вопрос – много ли вы видели случаев, когда кого-нибудь откуда-нибудь из какого-нибудь сообщества исключали, потому что они нарушили какие-то правила игры?!

Действительно, кодексы этики могут работать только тогда, когда они подкреплены работающим механизмом контроля за их исполнением. То есть, когда существует так называемая система этической регуляции.

С другой стороны, сегодняшнее разнообразие в некоммерческой среде, и, в частности, в правозащитном сообществе, препятствует общему пониманию этических норм и стандартов. Это происходит сейчас во многих общественных наблюдательных комиссиях по контролю за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания, которые разделились именно по этическим принципам. У микрофона Елена Панфилова:

Ситуация эта связана с ОНК – общественной наблюдательной комиссией, где произошло столкновение двух культур, двух групп – старая ОНК, новая ОНК. И у них там водораздел как раз по этической части – что можно делать, что нельзя делать, перед кем отчитываться, кому это нужно... Принципы, по которым они строят свою работу, абсолютно разные. Абсолютно по-разному они представляют перед кем они отчитываются, зачем они это делают и так далее.

Сами члены ОНК правозащитной формации видят в этом большую угрозу. Но, возможно, в этих различиях и нет ничего страшного. Альтернативу предлагает руководитель Центра «Грани» Светлана Маковецкая:

Надо оставить идею по поводу того, что мы создадим внутри какого-то сообщества, некий генеральный этический кодекс. Нужно согласиться с тем, что есть люди, с деятельностью которых мы соглашаемся, но с их взглядами категорически не согласны. И мы должны допустить ситуацию, при которой нам нужно создавать много конкурирующих между собой, саморегулируемых кругов доверия.

Сегодняшнее правозащитное сообщество, чтобы сохраниться и развиваться, должно всерьез задуматься о том, как актуализировать опыт своих предшественников и уже опираясь на него, на практику, вырабатывать собственные, работающие этические принципы.

Проблема нынешних правозащитников, как считал Валерий Абрамкин, в том, что они не имеют прошлого. В лучшем случае, - писал он, - у них есть прошедшее – скупое знание о «демократическом движении в СССР». Сам же опыт, и что особенно важно – духовный опыт – остался не освоенным. А сообщество - это преемственность поколений, это преемственность идей, идеалов, принципов, образцов деятельности, технологий, это «общая слава в прошлом», для которой есть основа: история диссидентского движения. Именно из этого опыта вырастает и складывается этика правозащиты, которая впитывается сообществом вне зависимости от того, существует кодекс этики на бумаге или нет.